

ТРИЛЛЕР

ДЛЯ
ВСЕХ

ЖАК
ЭКСПЕР

ГОРТЕНЗИЯ

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Э41

Jaques Expert
HORTENSE

Copyright © Sonatine Éditions 2016 + Published by special arrangement
with Sonatine Éditions in conjunction with their duly appointed agent
2 Seas Literary Agency and co-agent Anastasia Lester Literary Agency

Перевод с французского *Нины Жуковой*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Экспер, Жак.

Э41 Гортензия / Жак Экспер ; [пер. с фр. Н. Б. Жуковой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

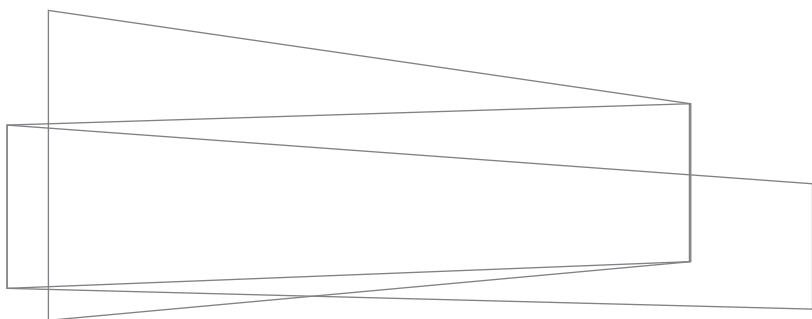
ISBN 978-5-04-092895-8

Однажды в квартиру Софии ворвался ее бывший возлюбленный, украл их общую дочь Гортензию и скрылся. Полиция пыталась выйти на след похитителя, но мужчина с ребенком словно испарились, а жизнь матери была разрушена. Много лет спустя София столкнулась на перекрестке с девушкой и сразу поняла — это она, ее пропавшая дочь. Материнское сердце врать не может. София знакомится с девушкой и все больше и больше убеждается в том, что не ошиблась. Только не все пазлы в этой истории складываются. София никак не может понять, как этот мерзавец смог повернуть такую авантюру — неужели ему помог кто-то из ее близких?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-092895-8

© Жукова Н. Б., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

*Показания г-на Бернара Дюпуи,
25 июня 2015 г. Выписка из протокола.*

Мы¹, Фредерик Суссен, лейтенант полиции, сотрудник судебной полиции в составе Бригады по борьбе с уголовными преступлениями г. Парижа, 75001, письменно подтверждаем, что Бернар Дюпуи прибыл для дачи показаний 25 июня 2015 г. в 14.00.

Мое имя — Бернар Дюпуи. Я родился 28 марта 1930 года в городе Люневиль, департамент Мерт и Мозель; в настоящее время — комиссар в отставке, проживаю в городе Бордо, 33200, в доме №186 по улице Пастера. В течение трех лет я занимался расследованием дела о похищении Гортензии Делаланд, родившейся в Париже 7 мая 1990 года и похищенной из дома ее матери на улице Мучеников, №42-бис (75009, Париж), в четверг 11 марта 1993 года. [...]

¹ Использование личных местоимений множественного числа относится к особенностям стилистики французских официальных документов и деловых писем. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мадам Делаланд после этого ужасного события находилась в шоке, однако, несмотря на свое состояние, она отказалась поехать в больницу, прежде чем мы возьмем у нее показания, и здраво и взвешенно изложила нам все детали произошедшего. Она без малейшего сомнения назвала имя преступника и предоставила о нем всю информацию, которой располагала.

Потерпевшая была крайне слаба: открытые раны на икре и ступне, а также на задней стороне черепа требовали врачебного вмешательства. Не меньше нуждалась женщина и в помощи психолога, хотя это никак не отразилось на ее показаниях — логичных и четких.

Я хорошо помню момент, когда ее забирала скорая: она словно утратила самообладание и разрыдалась, умоляя вернуть ей дочь и не переставая повторять, что та была единственным смыслом ее существования. [...] Мне пришлось заверить потерпевшую, что мы быстро найдем ребенка, что это вопрос нескольких часов. После этого она успокоилась и безропотно отдала себя в руки медиков. У меня и сейчас стоит перед глазами эта картина: мадам Делаланд лежит на носилках, прижимая к груди бежевого плюшевого медвежонка, в то время как санитары с трудом протискивают их по узенькой лестнице. [...]

Сначала мне действительно показалось, что раскрыть дело будет легко. Личность похитителя была установлена, и теперь все решало время. С момента похищения прошло уже несколько часов, и мы немедленно организовали проведение оперативно-разыскных мероприятий по определению местонахождения подозреваемого.

Срочность в подобных делах крайне важна, и необходимо как можно скорее выйти на след преступника, поскольку успешный исход операции целиком зависит от действий, предпринятых в первые часы после покушения. [...] Разослав ориентировки, мы тщательно осмотрели квартиру, но ничего существенного не обнаружили. В безупречно убранной детской присутствовали явные следы похищения: одеяло было сдвинуто, белье помято, на подушке осталась вмятина от головки ребенка, который там спал еще несколько часов назад, и мы даже собрали с нее несколько светлых волосков, очевидно принадлежавших Гортензии Делаланд, чьи многочисленные фотографии нам предоставила мадам Делаланд. [...]

Осмотрев квартиру, мы перешли к опросу соседей. [...] Все они подтверждали сказанное Софией Делаланд. Она жила одна вместе с дочерью, которую очень любила, на взгляд некоторых жильцов, даже чрезмерно. [...]

Дело это — просто невероятно, я до сих пор не в состоянии осмыслить то, что недавно узнал. [...]

..... 1

СОФИЯ

Свинцовые облака вновь накрыли Париж зловещей тенью, уже и Монмартр почти скрылся из виду. В такую погоду у меня неизменно портилось настроение. Казалось, через мгновение город по-

грузится в непроглядную тьму, хотя не было и семи вечера. Подумать только — в прошлое воскресенье мы перешли на летнее время! Вот и первая тяжелая капля упала за воротник моей серой полотняной блузки. Стоило поторопиться, чтобы не попасть в грозу, — она неумолимо надвигалась, была рядом. К счастью, и дом мой находился недалеко — крошечная квартирка на улице Мучеников, где я жила уже много лет.

Как всегда по вечерам, выйдя из метро на станции «Анвер», я направлялась по улице Трюден, потом сворачивала налево, чтобы забежать в ресторанчик азиатской кухни, где покупала пять немов¹ — мой ежевечерний рацион, не считая яблок «Гренни Смит», которыми я по субботам запасалась в лавке «Фруктовый сад» на Монмартре. Я спешила подняться в свою квартиру на четвертом этаже дома номер 42-бис, никогда не прибегая к услугам лифта. В моем возрасте — через три месяца мне исполнится пятьдесят один — небольшая зарядка не помешает. И потом, я не выношу замкнутого пространства, тем более такого крохотного, как кабина лифта. Установили его четыре года назад, и, насколько я помню, пользовалась я им всего два-три раза. Мне всегда было страшно застрять и остаться в нем навеки.

Каждый мой вечер в точности повторял вчерашний, и завтрашний должен был пройти так же. Но мне и не требовалось ничего другого, меня вполне

¹ Нем — блюдо вьетнамской кухни наподобие фаршированного блинчика, но меньшего размера.

устраивала эта монотонность, она мне подходила. А вот в выходные была просто беда. Выходные тянулись бесконечно, хотя я и заставляла себя после обеда проделывать путь до площади Тертр¹ — и по субботам, и по воскресеньям, в любое время года, несмотря на проливной дождь или адскую жару. Мне нравилось бродить среди уличных художников, которые всегда меня дружески приветствовали. Ходила я туда с незапамятных времен (и правда очень-очень давних), и все меня узнавали, приветливо кивая головой. Они не заговаривали со мной, но улыбались, и этого было довольно. Да и кто я для них? Странноватая пожилая дама, которая все уик-энды проводит среди бродяг. Может, они даже слегка меня побаивались?

Меня развлекало нескончаемое паломничество туристов, особенно тех, кто заказывал портреты, а то и карикатуры, за которые они не задумываясь отваливали кучу денег. Возвращалась я обычно по улице Лепик и потом выходила на бульвар Пигаль. О, я поименно знала местных зазывал, которые старались завлечь в свои «заведения» случайных простаков или подвыпивших прохожих. Могла я назвать по памяти и всех старых шлюх, чья судьба была еще печальнее моей. Порой они перекрикивались с товарками, и я легко запомнила имена. Не уверена, что и они меня не заметили — даму без возраста, которая по выходным неизменно посещала их владения.

¹ Одна из самых посещаемых достопримечательностей Парижа, на ней работает множество уличных художников, шаржистов и пр.

Дама без возраста — это я. Невидимка. Без имени.

Вот кем я стала — ничем.

Я даже не призрак. Призраки в конце концов кому-нибудь да покажутся. Я — ничто, и уже очень давно. Но, прямо скажу, мне на это наплевать.

Больше того — меня это полностью устраивает.

Вернувшись домой к шести, я задергивала шторы и, растянувшись на диване, ждала времени ужина. По выходным у меня наготове была заморозка — каждого блюда хватало на два дня. Потом я какое-то время читала и ровно в десять отправлялась в кровать. Мне даже не приходилось смотреть на часы — старые наручные часы матери, умершей восемнадцать лет назад. Тогда я тайком, чтобы братья не увидели, сняла их с ее руки и спрятала в кулаке, до того как закрыли крышку гроба. Братья считали, что маму надо в них похоронить.

Что сказать о братьях? Старший — Пьер — умер во сне в результате остановки сердца. Вдова рассказывала, как она, проснувшись, обнаружила рядом мертвого мужа, чье тело еще не успело остыть. На погребении Пьера я не присутствовала, хотя и любила его больше, чем младших братьев — Филиппа и Сержа. Не пошла потому, что это стало бы для меня слишком большим испытанием. Не из боязни увидеть его в гробу — нет, а из страха встретиться с остальными, живыми. Со всей нашей семьей: отцом, обоими братьями с их женами и кучей шумной ребятни.

Я не выдержала бы их вопросов: «Чем ты занималась все эти годы?», не вынесла бы взглядов, физически ощущая тяжесть их мыслей о моей загубленной жизни. Нет, я не собиралась ни вызывать у них сочувствие, ни терпеть их жалость.

Всего этого я больше не хотела. Вот почему уже так давно все мосты сожжены.

Вернее, почти все: порой и до меня доходили кое-какие новости. Браки, рождения детей, поездки родственников друг к другу, но все это происходило далеко от Парижа, в провинции, куда я никогда не ездила, несмотря на регулярные приглашения. Признаюсь, в свое время родные мне очень помогли, поддержали в трудные времена, когда я в этом особенно нуждалась. Мне действительно не в чем их упрекнуть. И все же я продолжала жить вдалеке от них. Продолжала быть ничем.

Капли застучали чаще, самое время было спрятаться под козырек подъезда и раскрыть маленький черный зонтик.

Прибавив шаг, я мечтала поскорее прийти домой, где, стоя у окна, смогу с наслаждением наблюдать, как городом овладевает гроза.

Итак, я возвращалась на улицу Мучеников, безразличная ко всем этим людям, которые спешили, сновали рядом со мной, порой касаясь или задевая меня. Вдруг кто-то обошел меня столь энергично, что зонтик вырвался из моих рук и упал на тротуар. Этот кто-то обернулся. Молодая белокурая женщи-

на. Кажется, она огорчилась. Я услышала, как она извинилась, пытаюсь подобрать мой зонтик, уже отнесенный ветром в сторону.

Незнакомка повторила извинение, улыбнувшись дружеской, такой славной улыбкой:

— Простите, мадам! У вас все в порядке?

Я была не в силах выговорить ни слова. Так и стояла — молча, неподвижно, и не сводила с нее напряженного взгляда, пока она приближалась, протягивая зонтик.

— К счастью, вроде бы не сломался, — произнесла она, а потом подняла на меня взгляд, встревоженная моей немотой: — Я вас не ударила? С вами ведь все хорошо?

— Да, да, — только и удалось мне выговорить.

— Раз так, я, пожалуй, пойду? — спросила она, поправляя плащ, и стала удаляться.

Что я могла сказать? Мне, мол, известно, кто она? Или что я ее узнала? Что вне всякого, даже самого мизерного, сомнения эта молодая женщина — моя дочь? Ребенок, похищенный у меня двадцать два года назад...

Тогда Гортензии было два года и десять месяцев. Совсем скоро должно было исполниться три.

Я продолжала стоять в оцепенении, словно находилась под гипнозом, и смотреть ей вслед, пока мокрая от дождя белокурая головка не исчезла за углом улицы Трюден.

Только теперь я осознала, что не должна просто так дать ей уйти, я не могла потерять ее снова.

И тогда я побежала в надежде ее догнать. Гортензия все узнает!

На улице Мучеников я попыталась разглядеть ее в беспорядочной толпе людей, разбежавшихся кто куда в поисках укрытия. Мне самой дождь был нипочем, я его попросту не замечала. Наконец я увидела ее на углу Наваринской улицы и еле сдержалась, чтобы не закричать — громко, изо всех сил:

— Гортензия!

*Показания г-на Сержа Делаланда,
родившегося 8 февраля 1971 г.,
представителя страхового агентства в Витре,
35506, 27 июня 2015 г. Выписка из протокола.*

[...] София была старше меня на семь лет. У меня сохранились воспоминания о ней как о заботливой сестре, любившей со мной заниматься, ведь я был, так сказать, последышем в семье. Жизнерадостная, доброжелательная, но, увы, вряд ли хорошенькая, да к тому же еще и толстушка. Похоже, с годами она стала комплексовать на этой почве и по мере взросления окончательно замкнулась. Сделалась молчаливой, угрюмой, а нередко и агрессивной. Подруг у Софии было мало, в школе над ней посмеивались, так что дом был ее единственным убежищем, хотя в ту пору она часто конфликтовала с нашей матерью. [...] Жить с ней было мукой, и, мне ка-

жется, после ее отъезда на учебу в Ренн все вздохнули с облегчением. Позже она совсем перебралась в Париж, и с тех пор мы виделись очень редко. [...]

С рождением дочери София полностью изменилась. Она снова сблизилась с семьей. Как же гордилась сестра, что стала матерью! Казалось, будто она сама не верила своему счастью. София утверждала, что ей не было дела до того, что отец девочки их оставил — ее и маленькую Гортензию. Она жила только дочерью. В любви Софии было что-то чрезмерное, однако видеть ее счастливой доставляло всем нам удовольствие. Больше, пожалуй, было просто невозможно любить своего ребенка. Баловала она дочку страшно, проводила с ней все свободное время. Воистину Гортензия стала смыслом ее жизни.

Да и малышка была просто восхитительна: улыбчивая, веселенькая. Вся семья ее обожала. Родители сходили по ней с ума, и я помню, как они сражались с Софией за право время от времени брать ее к себе. [...]

Когда сестра потеряла Гортензию, для всех нас это стало большим потрясением. Мы как могли старались поддерживать сестру. Но мало-помалу она совершенно от нас отдалилась. София отвергала наше участие, и невозможно было понять почему. Мать довольно долго пыталась ее подбадривать, урезонивать, что ли, но все впустую. Соппротивление дочери приводило ее в отчаяние, и отец всегда говорил, что именно уход Софии из семьи свел мать в могилу. [...]

Что касается меня, то я уже много лет не встречался с сестрой и не имею о ней никаких новостей. [...]

СОФИЯ

Я только что уложила Гортензию. Пройдет меньше двух месяцев, и моей дочери исполнится три года. С каким же нетерпением мы обе этого ждали, и я — даже больше, чем она. Каждый вечер мы вместе считали дни: их оставалось всего пятьдесят семь.

Трехлетний юбилей обещал подарить нам столько радости, был таким прекрасным поводом преподнести ей подарки. С самого ее появления на свет я праздновала день рождения Гортензии дважды в году — каждые полгода. Понимаю, это может показаться неоправданным и чрезмерным, но мне так хотелось показать дочурке, как сильно я ее люблю!

Как обычно, мы должны были встретить этот день вдвоем, только вдвоем. Да и кто был нам нужен, чтобы почувствовать себя счастливыми, испив каждую капельку этого чудесного дня?

Никто.

Конечно, и на этот раз я собиралась одарить ее, как фея. Подарки заготовлены были давно: иллюстрированные альбомы, выбранные среди изданий «Школы досуга»¹, милая цветастая блузочка и нарядный розовый ободок, который так подошел бы к вьющимся белокурым волосам моей уже кокетливой крошки. Но главный подарок был куплен

¹ «Школа досуга» — издательство детской литературы.